

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ИЗ ДНЕВНИКА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

У меня никогда не хватало терпения вести дневник, хотя такие попытки я предпринимал ещё в школьные годы.

Мне было больше по душе и естественнее, когда приходила какая-то мысль, или на меня производила сильное впечатление некая встреча или картина жизни, или когда я гневался или радовался по поводу чего-либо прочитанного или услышанного, записывать свою оценку происшедшего на клочке бумаги, на форзаце книжки, на бумажной салфетке, на полях газеты... Слава Богу, что у меня сохранились в особой папке целые вороха подобных записей, сделанных не в тишине рабочего кабинета под настольной лампой, а, как говорится, на коленке, которые я с трудом прочитал, переписал, отредактировал и теперь выдаю за страницы дневника, написанного приблизительно за последнее десятилетие.

* * *

Май 2001 г.

Как-то Вячеслав Клыков, крестьянский сын, позвал меня в Питер на съезд монархистов... Он был вождём этих ребят и организатором съезда.

Выступали они в каком-то небольшом зале дружно, все хвалили монархию и в ней одной видели спасение России. На дворе стоял 1994 или 1995 год... Неожиданно Слава пригласил на трибуну меня. Я вышел и спросил зал, какую монархию они хотят – конституционную, от которой в 1905 году начались все беды государства Российского, – или Самодержавную.

Все завопили: самодержавную! Когда вопли утихли, я сказал: ну, тогда придётся восстановить и крепостное право, потому что без него самодержавие – обман и пустой звук...

В зале повисла тягостная тишина, и Слава, спасая положение, объявил перерыв.

Дальше всё покатило в спорах, криках, раздорах, которые продолжились в поезде аж до самой Москвы... Все кляли меня, разрушившего единство рядов, а я в завершение переругался с Михаилом Назаровым.

Словом, идея монархии была похоронена. А сейчас я хочу добавить к тому, что произошло в Питере, следующие размышления. Расцвет России в конце XIX — начале XX века: рост населения, укрепление золотого рубля, подъём сельского хозяйства, строительство Великого Сибирского пути и прочие достижения прогресса свершились лишь потому, что в это время страна “продала” наследство двух самодержавных столетий так же, как нынешняя демократия проедает уже 20 лет накопленное с конца 20-х годов советское сталинское наследие. Вы хотите самодержавия — а вам посадят на трон еврейчонка Георгия. Вы обижаетесь на меня за то, что я назвал Колчака “агентом влияния” западных сил — идите и смотрите на “жидовском”, как Вы его называете, телевиденье киноэпопею “Адмирал” и подумайте о том, зачем “жидовскому” телевиденью впаривать в ваши мозги образы, мысли и сюжеты эффектной кинофальшивки.

Не лезьте в эти ловушки, Два раза в одну реку войти нельзя, ни в романовскую, ни в сталинскую. Нам надо напрячь все силы, чтобы спасти Россию и выстроить новую жизнь без романовского крепостного права и без сталинского НКВД. Задача невиданной сложности. Но, как сказал Юрий Кузнецов: “Зачем вам старые преданья, когда вы бездну перешли?”

А Колчак — сам по себе достоин уважения. Смелый офицер, принявший красивую романтическую смерть.

Но всё равно никуда не денешься от грубого гласа народного, когда о нём, окружённом английскими, французскими, чешскими советниками, народ сочинил частушку: “Мундир французский, погон японский, сапог английский, правитель омский”...

* * *

Октябрь 2004 г.

В Иркутске ругался со своими друзьями-патриотами “колчаковско-влазовского” разлива, обливающих “патриотическими” помоями эпоху социализма и нашу Великую Отечественную, нашу Победу. Ну как они не понимают, что Германия 1914 года была во много раз слабее Германии года 1941-го. У кайзера в союзниках была одна Австро-Венгрия, а у Гитлера десятки государств фашистской и полуфашистской Европы. Германия 1914 года с первого дня войны имела мощнейший второй англо-французский фронт в отличие от гитлеровского Рейха, который со “вторым фронтом” столкнулся лишь в 1944 году.

Россия же 1914 года с точки зрения нынешних “национал-демократов” была мощнейшей державой, заваливавшей хлебом и маслом чуть ли не всю Европу, страной, где прошли благотворные столыпинские реформы в то время, как социалистическая коллективизация подорвала могучее российское крестьянство; прирост населения к 1914 году был колоссальный, казачество было в расцвете сил, никакого ГУЛАГа, никаких репрессий не было, валюта была самая твёрдая в мире; 1914 год — начало войны — воодушевление общества: “кричали женщины “ура” и в воздух чепчики бросали!” — в отличие от угрюмо-молчаливого состояния советских людей в июне 1941-го...

Однако в Первой мировой с первых дней мы выглядели не лучше, чем в июне 1941-го сдали Польшу, сдали Прибалтику, три года войны то отступали, то топтались на месте при единственной попытке перехватить инициативу. Угробили армию Самсонова в прусских болотах, падали духом, не имея никаких твёрдых шансов на победу, в тылу постепенно начиналось моральное разложение... Ну был единственный локальный — брусиловский прорыв — и всё, а когда пришло к власти масонское Временное правительство, то разложение в армии достигло апогея.

Словом, начиная войну в благоприятнейших по сравнению с 1941 годом условиях, Россия через четыре года представляла из себя совершенно разложившийся организм — и государственный, и военный, и экономический, и культурный, и религиозный...

А в 1941–45-м гг. мы по всем направлениям становились крепче, увереннее, могущественнее – и всё закончилось величественным реваншем социалистической державы за поражения державы монархической, длившиеся с 1905-го по 1918 год. . . Мы вернули всё: Прибалтику, Сахалин, Курилы, Молдавию. Вернули, несмотря на ГУЛАГ, коллективизацию, репрессии в армии и т. д. Почему? Потому что преодолели отставание на 150 лет от “передовых стран Европы” за 10–15 лет, потому что цементировали общество советским патриотизмом, потому что вырастили новое поколение новых людей. . .

*Я строил окопы и доты,
Железо и камень тесал
И сам я от этой работы
Железным и каменным стал, —*

писал выдающийся поэт мобилизационной эпохи Ярослав Смеляков.

*Где нашёл он таких генералов
И таких легендарных бойцов? —*

писал о Сталине выдающийся поэт белой эмиграции Александр Вертинский. Наше отступление летом 1941 года закончилось великим парадом 24 июня 1945 года, когда знамёна вермахта летели к подножию Мавзолея. . . Конец – делу венец. . . А наши колчаковско-власовские патриоты все талдычат о великой России 1914 года и проклинают Советскую эпоху. . . Да протрите же вы глаза, в конце концов!

* * *

Август 2005 г.

Рыбачил на Ахтубе. Моим егерем был местный человек по имени Миша. Мы блуждали на моторной лодке по протокам, заросшим камышом, в поисках судака и щуки, а во время передышек и перекуров он рассказывал мне, как его посёлок жил раньше и как живёт сейчас.

– Были в нашем посёлке при Советской власти два детсада, завод по ремонту техники, два клуба – зимний и летний. Круглый год шло разное строительство. Была работа и зарплата и для мужчин, и для женщин. Была техника – трактора, автопарк, помидорные и арбузные плантации. А теперь всё исчезло. Живём только рыбой.

У Миши грустная улыбка. Когда он улыбается, видны его гнилые зубы. Он понимает, что я их вижу.

– Зубы не могу вставить. Потрачусь на зубы – есть будет нечего. Зарабатываю только на хлеб и макароны. А чтобы купить чего дочке – ей четырнадцать лет – и думать нечего. Раньше, когда женщина рожать собиралась, врачи с неё глаз не спускали. А теперь – рожай хоть на улице. Мы, оказывается, жили при коммунизме, да не знали этого.

– А как ты советскую власть вспоминаешь?

– Только добром!

– А вернуть её хочешь?

– Это было бы счастье, да только уже ничего не получится.

Мише лет тридцать пять. Он худой, жилистый, в чёрных очках, с гнилыми зубами и печальными шутками. Всё, что он рассказывал, я видел в деревне Кулой в центре северной Архангельской области. Там стоят около ста громадных домов. Половина из них с проваленными крышами, из некоторых домов тянутся вверх тощие берёзки. В этой деревне за пятнадцать лет рыночной демократии исчезли почта, детсад, клуб, медицинский пункт, магазин. . . А в середине 80-х здесь ещё был совхоз, в котором насчитывалось около трёхсот голов крупного рогатого скота. Совхоз кормил мясом весь Пинежский район. А теперь пастбища заросли бурьяном, крыша кирпичного коровника провалилась, а здание срубленного из местной корабельной сосны клуба купили за бесценно какие-то южные люди, раскатали по брёвнышку и увезли неведомо куда. . .

* * *

Ноябрь 2005 г.

Написал гневное письмо своему тёзке, с которым то воюю, то мирюсь все жизнь – Станиславу Лесневскому. Вот он, текст этого письма.

“Здравствуй, Станислав!

Возвращаю тебе твою книжечку “Польская муза и русские поэты”, которую ты составил, издал и прислал мне в подарок. Без стихотворений Пушкина “Клеветникам России”, без его “Бродинской годовщины”, без великого тютчевского “Как дочь родную на закланье”, без блоковского “Здесь всё что было, всё что есть, надуту мстительной химерой”, без мандельштамовского “Поляки, я не вижу смысла” твоя книжечка выглядит не просто конъюнктурной, но в культурном смысле недобросовестной, а если говорить прямее – то лживой и лакейской по отношению к шляхте.

А ещё можно вспомнить пушкинское: “Ты просвещением свой разум осветил”. Твоя антология не только “прошляхетская”, но антипушкинская, и ты ещё говоришь, что любишь Кожина, к вдове в гости заходишь, на днях его рожденья бываешь. Да он бы (если бы познакомился с твоим изданием “русско-польской антологии”) при всей своей толерантности руки бы тебе не подал. Плохой ты филолог, недобросовестный, нечестный, совершающий подлоги. Не знаю только, во имя чего. Не во имя ли “страха иудейска”? Не надо мне, чтобы ты в своём издательстве издал мою книгу. Ты ведь её изуродуешь. Отвергаю твоё предложение об издании каких-то буклетов к моему юбилею. Глупо так позорить себя на закате жизни.

Станислав Куняев”.

* * *

Ноябрь 2005 г.

На НТВ спорят друг с другом Алексей Шохин и Сергей Глазьев. Шохин утверждает, что результаты приватизации не могут быть пересмотрены, поскольку она была проведена по законам того времени.

Глазьев возражает, но как-то неубедительно, говорит о деталях, частности, о двусмысленности законов. А надо бы сказать так: приватизация была проведена мошенниками по мошенническому закону, ими же принятым. И вообще ссылки на законы прошлого времени – дело опасное. Законы быстро ветшают, обнажая заключённую в них несправедливость, корыстную сущность и алчность узкой касты заинтересованных в них людей.

Преследование евреев в гитлеровской Германии опиралось на “нюрнбергские законы”. Ну и что? Человечество победило гитлеровский расизм, и никто теперь даже заикнуться не может, что, мол, всё, что творилось в Германии 30-х годов, “опиралось на законы”, а значит, должно оставаться в силе.

По средневековым законам ведьм на кострах сжигали. Так что законы, по которым проходила приватизация, есть пыль историческая. Это не скрижали Моисея и не новозаветные заповеди, не суры Корана и даже не кодекс Наполеона. Ссылки идеологов перестройки на то, что приватизация, разгосударствление, залоговые аукционы и прочие способы грабежа были совершены по законам 90-х годов и потому не подлежат пересмотру – смешны. В таком случае можно утверждать, что все репрессии сталинской эпохи, все знаменитые процессы 1937 года проходили в соответствии с законами того времени, согласно решениям судов, в присутствии адвокатов, журналистов и даже публики. Однако приговоры этих законных органов власти были аннулированы и объявлены незаконными – одни через 20 лет в эпоху “оттепели”, другие через полвека, в эпоху перестройки, репрессированные граждане были реабилитированы, а это подтверждало тот факт, что человеческие законы не вечны. Поэтому ничего удивительного не будет, если то же самое произойдёт с приватизаторами и их якобы законно приобретённой собственностью. Примем новые законы и национализируем всё “законно награбленное”.

23. 4. 2006 г.

Чиновник от дипломатии некто Шилов-Коведяев и Шендерович беседуют о том, что Ельцин велик, потому что не допустил в России югославского варианта, а следовательно, кровопролитной гражданской войны.

Вздор! Югославия была насильно сколочена из враждующих племён и народов частично после Первой мировой войны, а окончательно после разгрома тысячелетнего Рейха и освобождения Восточной Европы советскими войсками.

В одно противоестественное государственное образование были объединены вечно враждующие между собой на Балканах хорваты и сербы, македонцы и албанцы, мусульмане и христиане, православные и католики.

Этому неорганическому сообществу исполнилось всего лишь 45 лет, когда в начале 90-х годов прошлого века оно начало разваливаться.

А нашему государству, созданному из многих народов, объединившихся волей истории в одно целое, было в разных его частях когда по несколько столетий, когда как минимум по 200–250 лет... За эти столетия мы сроднились, срослись в одно целое, что и подтвердил референдум о судьбе СССР 1991 года. Такой монолитности, которая выдержала величайшую в истории человечества войну, не было в Югославии. Потому-то у нас не могло быть “югославского варианта” с сербско-хорватской резнёй во время войны 1941–1945 г. с вырезанными глазами и отрубленными головами... Врут и не краснеют.

Круглый стол у Познера. Идёт разговор об истории. Виктор Ерофеев о Советском Союзе:

“Освобождение от империи – это радость. Распад Союза – это радость, а не трагедия. Все соседи радуются этому освобождению”.

Абхазия, во всех школах и музеях которой висят фотографии молодых людей в чёрных рамках, павших в борьбе с грузинскими колонизаторами, “радуется”, Южная Осетия, пережившая два кровопролитных нападения, – тоже радуется. Особенно искренне и благодарно радуются изгнанные из Карабаха армянскими боевиками азербайджанцы и растерзанные в отместку за это изгнанные сумгаитские армяне. Радуются в Грузии гальские грузины, изгнанные за погромы, которые творили грузинские бандформирования в 1991–1992 годах, радуются похороненные в братских могилах жители Приднестровья, погибшие во время бесчинств молдавских националистов в Бендерах, радуются киргизские, таджикские, узбекские рабы, стоящие толпами у выезда из Москвы на Ярославском шоссе, готовые за копеечную плату на любую чёрную работу. Радуются распаду Советского Союза сотни тысяч русских людей, изгнанных из Чечни, радуются десятки тысяч чеченцев, погибших в братоубийственной войне, организованной Ельциным и Гайдаром, Березовским и Черномырдиным. Радуются Ерофеев и Сванидзе, Швыдкой и Познер, получившие в своё распоряжение телеканалы, телестудии, телепрограммы, словом – всю четвёртую власть над “радующимся” народом.

Этот разговор, который шёл под рубрикой “History”, был продолжен неким телеведущим, якобы потомком Льва Толстого, носящим знаменитую фамилию своего предка. Потомок заявил: “Семьдесят лет нас учили, что история старой России это – мрак, преступления, чёрная дыра”. Ну и дрянь невежественная! Надо бы ему, потомку великого не только писателя, но и историка, знать, что уже в 1936 году опера “Богатыри” были сняты с репертуара Большого театра за искажение русской истории и за глумление над нею, и что любимец партии автор либретто Демьян Бедный был за клевету на отечественную историю исключён из партии, а также изгнан из кремлёвской квартиры.

Надо бы недостойному потомку Толстого знать, что в предвоенные годы вышли знаменитые кинофильмы о Суворове, Нахимове, Кутузове, Александре Невском, Минине и Пожарском. А речь Сталина 7 ноября 1941 года с при-

звонком вспомнить великие имена русских полководцев? А роман Алексея Толстого “Пётр I”, или книга Сергеева-Ценского “Севастопольская страда”, или роман А. Степанова “Порт-Артур” (все они были удостоены Сталинской премии) – это что, “чёрные дыры”? А труды об отечественной истории Б. Рыбакова, Д. Лихачёва, В. Кожина, Л. Гумилёва, Ф. Нестерова и многих других историков – это что, книги, полные “мрака”? Я уж не говорю о всенародном пушкинском празднике 1937 года, о романе “Тихий Дон”, написанном в “советское 70-летие” и тем не менее удостоенном Нобелевской премии. Да бедный Лев Николаевич в гробу, наверное, перевернулся, узнав о том, как выродилась его фамилия в лице невежественного и наглого телевизионного комментатора!

Ночью по программе “History” показывали фильм о войне 1941–1945 годов, и комментатор произнёс: “Это была битва тиранов!” Ах ты, лжец! Это была Отечественная война за право нашему народу жить на своей земле. В фильме столетний карикатурист советской эпохи Борис Ефимов (Фридланд) мелет одну глупость за другой: “Сталин был помешан на мелочах и даже исправлял тексты под карикатурами”; “28 января 1953 года с ним случился приступ, и он умер”; “Сталинский лагерь на Соловках прекратил своё существование только после распада коммунизма”.

Английский фильм, английский комментатор, английское высокомерие и английские глупости.

Но показывают-то нам!

* * *

4. 12. 2006 г.

“Собрались книжники и фарисеи”... Против Иисуса Христа был заговор иудейской знати. Не народ, не феллахи и рыбаки, не крестьяне предали его, не простонародье, которое называло его “равви” – то есть учитель. Его предала иерусалимская “болотная площадь”, во главе которой стояла знать. “Лучше пускай погибнет один человек, нежели весь народ!” – кричала она в лицо Пилату. И была права, потому что смена иудейской расистской веры на общечеловеческую христианскую, конечно же, была преображением народа, изменением его коллективной души столь глубоким, что фарисеи пронизательно сравнивали эту перемену со смертью и не хотели никакого преображения и воскрешения народа в новом образе, на “новой земле” и под “новым небом”.

От российского помазанника Божьего в первую очередь отрёклась элита: семья Романовых, генералитет, интеллигенция, клир, который тут же перестал молиться за него. “Измена. Трусость. Обман” – это ведь сказано Николаем Вторым о ближайшем окружении. Не о простонародье. Простонародье в 1905 году шло к Зимнему дворцу с иконами.

Быть коммунистом для будущего еврейского диссидента Семёна Липкина во время войны означало быть в состоянии, близком к религиозной общине. О ренегатах он писал как о вероотступниках, в панике отказывающихся при приближении гитлеровцев от истинной веры:

*Когда фарисеи и книжники
билеты партийные жгли...*

Изменников коммунизму верующий в коммунизм поэт Семён Липкин назвал “фарисеями и книжниками”, а коммунисты настоящие в этой системе образов для него являлись как бы приверженцами Христа.

Однако никакие подобные аргументы не помешали Липкину через несколько десятилетий подкастаться от коммунистической веры, а его одноплеменнику Марку Захарову сжечь партийный билет перед телезрителями. Семён Липкин, сам ставший ренегатом, потерял право прочитать Марку Захарову своё стихотворенье о фарисеях и книжниках, сжигавших страха ради иудейска свои партийные билеты летом 1941 года, чтобы тевтонско-римские Пилаты не послали их на Голгофу, то есть в какой-нибудь Освенцим.

Июль 2007 г.

Начался 2007 год, и антироссийские СМИ надрываются по поводу масштабных “сталинских репрессий” 1937 года.

По радиостанции “Свобода” 27.7.2007 директор Соловецкого музея некто Бродский сообщил, что через Соловки прошло около одного миллиона заключённых, и добавил: “Генофонд страны”. Сразу же после этой передачи корреспондент “Свободы” обратился к жителям Самары на улице с вопросом: “А сколько всего было репрессировано при советской власти народу?” Он не уточнял, кого имеет в виду – уголовников или политических. Такое уточнение было ему невыгодно. Самарские обыватели, естественно, не скупилась на цифры. “Может быть, миллионов пять”, – сказала одна дама. “Если считать с войной (!!), то миллионов пятьдесят”, – уточнила другая. “Миллионов тридцать, не меньше”, – сообщила третья. “От двадцати до сорока миллионов”, – подытожила четвёртая. Когда женский потенциал был использован, корреспондент разыскал одного мужчину, который мрачным голосом как отрезал: “Процентов 80 населения было репрессировано, из которых расстреляно несколько миллионов”...

Такой опрос на улицах, на ходу, на бегу людей, наслушавшихся той же самой “Свободы”, есть кощунственный способ распространения самых чудовищных слухов, самый злостный способ распространения клеветы и дезинформации. О такого рода приёмах Вадим Кожинов писал:

“Если верить некоторым книгам о 37-м годе, то к 22 июня 1941 года все взрослые мужчины в СССР были расстреляны или находились в лагерях... Все и немного больше”.

В июне 2007 года ТВ устроило встречу съёмочной группы, которая снимала фильм “Завещание Ленина”.

На встречу был приглашён профессиональный диссидент Григорий Померанц, громкогласно заявивший, что при Сталине в лагерях сидело 19 миллионов человек, а 7 миллионов политических было расстреляно. Но все честные историки, изучавшие сталинскую эпоху – от нашего В. Кожинова до американского исследователя В. Максудова после того, как были обнародованы документы, касающиеся деятельности ЧК–ОГПУ–НКВД и организации ГУЛАГа, сходятся во мнении, что с 1921-го по 1956 год было арестовано и сослано в лагерь по политическим мотивам не более 2,5 миллиона граждан, и что за этот период было вынесено около 700 тысяч смертных приговоров, но и они не все были приведены в исполнение.

Можно лгать, но не так чудовищно, преувеличивая число заключённых в семь раз, а число расстрелянных в десять!

Сколько же можно злословить относительно того, что СССР, Сталин, советский строй были разгромлены в первые месяцы войны! При этом все эти якобы историки в упор не видят того, что Франция – мощнейшая европейская держава – была смята вдрызг за 4 недели, Польша – тоже по европейским меркам сильное государство – за одну неделю; что американская разведка проморгала чудовищный погром своего флота в Пёрл-Харборе.

А если вспомним конец 1944 года? Высадка союзников через Ла-Манш в Арденнах. Трёхмиллионное войско – и поражение не менее сокрушительное, нежели у нас в первые месяцы войны. На вопль Черчилля о помощи, о контрнаступлении советских войск на Востоке Сталин отреагировал сразу, как умный и надёжный союзник, и приказал начать внеплановые наступления в Пруссии.

Наши сванидзы ужасаются потерям советских войск, проклиная Жукова, якобы “не жалевшего солдат”, а с октября 1944-го по май 1945-го англо-американцы потеряли полмиллиона человек! И это при истощённой и уже полуразгромленной Германии!

* * *

Ноябрь 2007 г.

Разговор с Николаем Ивановичем Рыжковым.

“Ваша книга, — сказал Рыжков, имея в виду мои воспоминания “Поэзия. Судьба. Россия”, — подтолкнула меня на воспоминания. Впрочем, потихоньку я их уже записывал... Получилась у меня история разрушения великой державы — Алма-Ата, Фергана, Баку, Карабах — словом, национальные отношения. Глава о Баку получилась раньше других. Но пока был жив Алиев, я её не публиковал. Он не раз приглашал меня к себе. Я обещал, но знал, что не поеду. Обязательно повели бы к аллее павших героев, а это те, кто стрелял нам в спину в январе 1991 года.

А ещё, Станислав, что я хочу Вам рассказать. Я был свидетелем одного разговора, Вас касающегося.

Провожали мы Горбачёва — из Внуково-2 он улетал. Ну, как положено, члены Политбюро, кандидаты, и я среди них. Я подошёл к Горбачёву, когда он разговаривал с секретарём ЦК по идеологии Медведевым. Медведев ему говорит, что стоит вопрос о главном редакторе журнала “Наш современник”, и Вашу фамилию называет. На слуху она была. Медведев спрашивает Горбачёва — что делать? Опасная кандидатура, националистического склада человек, антисемит, как бы не повёл журнал куда не надо... Горбачёв, верный себе, от прямого решения отказался и произнёс: — Думайте сами, раз есть вопросы. — Я был далёк в то время от этой сферы и не вмешивался в неё. Это была монополия Яковлева”.

На этом разговор с Рыжковым закончился, о дальнейшем развитии событий “архитектор перестройки” А. Н. Яковлев так пишет в своей книге “Омут памяти”:

“Через некоторое время Викулову всё-таки пришлось уйти из редакции. Но, к сожалению, нормального, уравновешенного, авторитетного человека туда назначить не удалось. Бондарев специально посетил Горбачёва и настоял на назначении редактором “Нашего современника” Станислава Куняева, человека нетерпимого, превратившего журнал в один из антиперестроечных рупоров” (“Омут памяти”. М., Вагриус, 2000, стр. 264).

По одной из версий, разговор Яковлева с Горбачёвым о моём назначении происходил так. Яковлев был категорически против моей кандидатуры, но Горбачёв якобы нашёл следующие аргументы:

— *Саша! Я выполнил твою просьбу о назначении Коротича главным редактором “Огонька” и Бакланова главным редактором “Знамени”. Ну давай русским бросим эту кость — “Наш современник”.*

* * *

3.11. 2007 г.

Поистине кино “важнейшее из искусств”, как сказал Ленин. Кино может оболванить половину народа — вспомним “Санта-Барбару”, может воодушевить на подвиги в роковые времена — вспомним “Чапаева”, может подвигнуть миллионы зрителей к сопереживанию народной или личной высокой трагедии — вспомним “Тихий Дон” или “Калину красную”.

Кинокартина о Сергее Есенине — одновременно и возмутительная, и лживая, и в то же время по-своему трогательная. Современный обаятельный желтоволосый плейбой — пьёт, гуляет, крутит романы, льёт слёзы, хулиганит. Но нигде или почти нигде мы не понимаем, почему он стал великим поэтом и почему самые проницательные современники считали его, как и Пушкина, “умнейшим мужем в России”. В сущности, младший Безруков в “Есенине” как бы играет продолжение роли, освоенной им в “Бригаде” — обаятельного авантюриста, почти негодяя.

Конечно, кино — грубое искусство, порой до идиотизма упрощающее и жизнь и судьбу, в отличие от высокой литературы.

И всё же, всё же... отдельные искорки правды, иногда мелькающие на телеэкране, хочешь — не хочешь, а заставляют нас задуматься о высокой и печальной трагедии есенинской жизни. И мы погружаемся в чувства и раз-

мышления о нём. В свои чувства и размышления. Не безруковские. Может быть, иные зрители, поглядев фильм, возьмут в руки нашу с сыном “жэзэ-эловскую” книгу и прочитают настоящую судьбу Есенина. И на том спасибо. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

* * *

28.12.2007 г.

Какой-то антифашист, выступающий на радиостанции “Свобода”, возмутился, что на скинхедовском сайте был выложен текст:

*Я лётчик люфтваффе,
я в небе лечу,
я красные звёзды
в прицеле ищу.*

А чего возмущаться? Советские красные звёзды, где бы они ни были, – на кремлёвских башнях, на воинских знамёнах, на надгробьях наших солдат, разбросанных по всей Восточной Европе, – вот уже два десятилетия обливаются демократическими помоями во всех средствах массовой информации, оскверняются ядовитой слюной, изрыгаемой из уст Новодворской и Сергея Ковалёва, Сванидзе и Пивоварова... Всех не перечислишь, как говорится, “имя им – легион”.

Вот и научили наши демократы несчастных скинхедов науке ненависти и глумления. За что боролись, на то и напоролись.

* * *

10.5.2008 г.

– Станислав Юрьевич! Это Вам звонит Валентина Николаевна из Кусы. Не обижайтесь на меня, Вы человек очень занятой, я Вас от дел отрываю...

– Ну что Вы, Валентина Николаевна! Я всегда рад слышать Вас. Как Вы там живёте на южном Урале?

– Да трудно, Станислав Юрьевич. Безработица... Был один заводик, где водку делали, да и тот закрылся... Народ с потухшими глазами ходит. Разве такие будут Ваш журнал читать? Им ни до чего дела нет. А за журнал всё равно спасибо. Он, несмотря ни на что, светит, души излечивает, которые ещё не до конца отчаялись...

Валентина Николаевна всю жизнь проработала в маленьком городке Куса библиотекарём. Несколько лет тому назад впервые позвонила мне по телефону и рассказала, что по здоровью, да и по годам вышла на пенсию, но библиотеку не бросает, проводит там всяческие литературные конкурсы, викторины, недавно испытывала своих читателей, кто из них знает героев повестей Валентина Распутина, и рада тому, что многие старшеклассники показали хорошие знания распутинской прозы, а потому она меня просит, чтобы я прислал в Кусу несколько книжек Валентина Григорьевича с его автографами. Она будет этими книжками победителей награждать.

Когда мы несколько лет тому назад начинали наши телефонные беседы, я спросил её, какую пенсию она получает, и ахнул: так Вы же полпенсии со мной проговорили! Но она не умеет говорить кратко, по-деловому, ей нужно по душам поговорить.

– Я рада, что Вы в Иркутске у Распутина побывали. Он у меня со своей дочкой Машей сфотографированный на стене висит. А рядом с ним Достоевский, Шукшин, Юрий Власов, Коля Бурляев. Тут же мои мама, папа, братья... целая семья... Нас много! Спасибо за журнал. Только вот и у Вас иногда печатается такое, что я не могу уговаривать своих знакомых, чтобы они подписывались на “Наш современник”. Вот у Личутина в очерке была частушка с матерным словом. Не надо этого, Станислав Юрьевич...

Голос у неё тихий, застенчивый, ей не хочется меня ни в чём упрекать, но совесть промолчать не даёт... У неё есть в маленькой Кусе свои питомцы.

– У нас, Станислав Юрьевич, существует литературное объединение “Кусинские зори”. На днях юбилей будем отмечать. Очень прошу Вас – пришлите телеграмму. Поздравьте нас, а я Ваше поздравление зачитаю. Вы не пред-

ставляете, как такие слова нам нужны. Ведь столько людей вокруг ходят с потухшими глазами... Храни Вас Бог!

Вот она, русская душа, живущая в библиотечной работнице, полунищей пенсионерке. Она ведь не меньше значит для России, чем солженицынская Матрёна. Но она — дитя советской эпохи, чего Александр Исаевич понять бы не мог: как это в советской оболочке живёт такая трогательная и чистая русская душа...

* * *

Писатель Кабаков в ночь с 24 на 25 октября 2008 года, выступая на “Свободе”, заявил: *“Правильно сделал Ельцин, что расстрелял коммуняк 4–5 октября, правильно сделали его соратники, что подтасовали выборы в 1996 году, представляете, какой кошмар был бы, если бы пришёл Зюганов. Воля народа — пустые слова, над народом необходимо всегда совершать насилие”*...

Опасность миновала, притворяться демократом — надоело и уже не нужно. Можно сбросить маску. Сбросил. И появилась морда — звериная, зубастая, оскаленная... Как у Новодворской.

* * *

11.12.2008 г.

СМИ сходят с ума от юбилея Макаревича. По всем каналам звучит его знаменитый слоган: “Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас”. Неграмотно, но зато жизнеутверждающе и греет душу нынешним хозяевам жизни.

Макаревичу — 55... Музыкальный критик Барабанов заходится в восторженных комплиментах:

— Он изменил наш мир!

Барабанов вторит Розенбаум: — Наш Макар несгибаем! — На экране возникает фото: Путин рядом с Макаревичем. Словом, торжество. Но вот уже полгода, как на земле бушует не просто финансовый кризис, но кризис всей жизни. Наш тинейджер-президент выступал летом на сборище крупнейших бизнесменов в Красноярске и, отвечая на вопрос одного из генералов бизнеса, а не будет ли возврата к плановой экономике, самодовольно заявил: — **Ну, это мы уже проходили в течение 70 лет!** — Ну хотя бы подумал, что плановая экономика продержалась 70 лет и выдержала такие испытания, которые и не снились рыночной, обвалившейся всего лишь через 15 лет после своего воцарения... И все “прогнулись” перед этим обвалом: и Медведев, и Путин, и Барабанов с Розенбаумом, и юбиляр Макаревич, переставший рекламировать по ТВ какой-то свой кулинарный бизнес... Прогнулись...

* * *

Декабрь 2008 г.

Когда мы смотрим рекламу парфюмерных соблазнов, чистящих средств, пищевых добавок, фальшивых лекарств, дамских прокладок, то уподобляемся туземцам эпохи Великих географических открытий, которых европейцы соблазняли цветными тряпками, стеклянными бусами и спиртными напитками, но то были хоть в какой-то степени материальные ценности, а с нынешнего экрана на нас глядят призраки и символы комфортной смерти человечества.

* * *

17 сентября 2009 г. по радио “Свобода” прошла передача, посвящённая “разделу Польши” между Германией и СССР. Участники передачи соревновались друг с другом в глумлении над нашей историей и нашей победой.

Владимир Рыжков: “С этой победы пятен не стереть”, “Чересчур болезненно мы относимся к распаду СССР”; “Идёт реабилитация сталинского режима”.

Историк Борис Соколов: “СССР захватил половину восточной Европы”.
Какая-то Мари, якобы “профессор из Парижа”, косноязычно говорящая по-русски: “СССР и Германия, разделившие Польшу, были государственными близнецами”. А она-то что понимает? Лучше бы объяснила, почему Франция проиграла войну всего-навсего за 40 дней? Не потому ли, что Эдит Piaф вместе с Ивом Монтаном пели в ресторанах для эсэсовской офицерни? Лучше бы вспомнила, почему несколько десятков тысяч французских “псов войны” из дивизии “Карл Великий” встали под знамёна со свастикой и пошли бок о бок с гитлеровской солдатнёй топтать нашу землю...

* * *

3.10.2009 г.

По ТВ выступал патриарх Кирилл. Произнёс вдохновенную, блистательную, прямо-таки актёрскую речь о возрождении веры, о богоотступничестве народа, о его преодолении, об искуплении грехов народных.

Но богоотступничество было преодолено во время Великой Отечественной войны. Я помню, как калужские церкви были полны народу, более полны, нежели сегодня, а с осени 1943 года началось после возрождения патриашества и приема Сталиным высших иерархов церкви то, что называется “симфонией церкви и государства”. Да и богоотступничество народа возникло не в 1917 году, а гораздо раньше, о чём писал митрополит Вениамин Федченков, который увидел упадок веры в 1912 году, когда страна праздновала 300-летие Дома Романовых.

И что толку сегодня клясть “богоотступничество” советской эпохи, лягать мертвого льва. Дело это пустое и неблагодарное, и несправедливое.

Богоотступнические соблазны сегодняшнего времени куда более глубоки и страшны, нежели советские соблазны.

Тогда разворачивалась борьба двух религиозных систем — христианской новозаветной и новоязыческой, той, что была выражена в словах Горького: “Человек — это звучит гордо!” В яростной схватке сошлись две религиозные аскезы. Но в нынешней религии “прав человека” тёмной, порочной и растленной гордыни куда больше. Да и для Христа главным врагом была не “советская” гордыня Рима, а тёмная власть золотого тельца, власть не римского булата над чадами человеческими, но иудейская материалистическая власть тридцати серебрянников.

Советская гордыня богоотступничества была гордынею труда, подвигов, самопожертвования:

*По полюсу гордо шагает,
меняет течение рек,
высокие горы сдвигает
советский простой человек.*

Царство Христа было не от мира сего, но, понимая это, сын галилейского плотника поставил пределы неотмирности: “Кесарю кесарево”... А Сталин был кесарем.

Нынешняя гордыня своеволия, греха и растления куда страшнее, нежели гордыня эпохи кесарей. Её победить почти невозможно. Куда легче молитвами и театральными проклятиями разгонять призраки коммунистического прошлого. Но свято место пусто не бывает: изгонишь из него власть кесаря — и тотчас же в алтарь ворвётся власть золотого тельца и культ всех смертных грехов.

Лучше меня об этой трагедии написал в стихах мой старший друг из Новосибирска, поэт и мыслитель Юрий Ключников:

*Вы родине нашей вменили в вину
публично с амвона ни мало, ни много,
что страшную мы заслужили войну
за власть коммунистов, отвергнувших Бога.*

*Ну что ж, и церковный, быть может, погром
в 17-м тоже был горьким лекарством*

*за не сохранённый синодом Покров
святой Богородицы над государством.*

*Но я-то в стихах не виню никого
за нынешние, за былые невзгоды,
нам вместе бы с Вами вернуть торжество
священной войны Сорок пятого года.*

*В ту пору связать нас сумела беда,
сегодня же беды разводят в тумане.
Вы ждёте повинных? Примите тогда
за всех коммунистов моё покаянье.*

*Простите, что манны не ждали с небес,
что, Бога не помня, творили молитву,
что строили вместо церквей ДнепрогЭС,
колхозы, метро, Комсомольск и Магнитку.*

*Что был, не мерещился классовый враг,
что с ним воевали, не прячась по затишкам,
что гибли за цвета кровавого флаг
и верили батьке с усами, не батюшкам.*

*Но если вернётся на родину свет,
и знамя победное вновь будет поднято, —
я верю — допишется в новый Завет
апостольский грех большевистского подвига.*

Аминь...

* * *

Октябрь 2009 г.

Иркутск. Город, ставший для меня родным, куда я приехал осенью 1957 года по распределению после Московского университета, куда приезжал потом бесчисленное количество раз к Вячеславу Шугаеву, с которым мы улетали на охоту в северный посёлок Ербогачён. Кинотеатр на улице Карла Маркса, где в 1989–90 годах мы выступали с Игорем Шафаревичем. Залы кинотеатра были переполнены. Сейчас кинотеатр рекламирует фильм “Зомбиленд” с эпиграфом “живой мёртвому не товарищ”. Американские джеймс-бонды с автоматами и громоздкими подбородками шествуют по плакату, начинающемуся от тротуара и уходящему в небо. Напротив ресторан пива, куда некогда мы, получив гонорар в “Востсибправде”, забегали с Шугаевым и Петром Реутским. На ресторане реклама: выступает по вечерам негр Денис Роулэнд — чёрное лицо с оскалом белых зубов, морда, как у леопарда — пучок морщин, бегущий от усов к узким кошачьим глазам. Вот чем закончилась русская демократическая революция, к которой призывал Шафаревич в переполненном зале кинотеатра двадцать лет тому назад.

Пугачёва в есенинской драме сдают в руки Михельсона его ближайшие сподвижники-“енералы”. Есенин, видимо, списывал эту измену со своей судьбы, потому что чувствовал, как русская революция, едва начавшись, уже сдаёт его еврейскому Чека...

На улице Карла Маркса по обе стороны от кинотеатра сплошные ювелирные магазины. В одном из них стоят охранник и манекен.

Не сразу я понял, кто есть кто. Манекен показался мне живым охранником, а живой неподвижный охранник — манекеном.

А ведь в 60-е годы встретишь на улице живого Алика Стукова — гитариста, барда, любимца иркутской богемы — и целый день на душе праздник...

* * *

Заходил сегодня в крупнейший Архангельский книжный магазин. Смотрю на полках: Татьяна Толстая — семь изданий, Виктор Ерофеев, Сорокин, Довлатов, Пелевин — по шесть изданий. Книги Корецкого, Петрушевской, Вишневецкой — по 3-4 издания.

О Марининой или Дашковой говорить не буду. Они недостижимы ни для кого, поскольку это не литература, а нечто другое, вроде одноразовой посуды.

Вот что значит идеологическая монополия рынка. Книги не расходятся, лежат, занимая целые стеллажи, но всё равно издаются и ложатся многотонными массами на прилавки. Не покупаются, несмотря на то, что имена сверхраскрученные. У них всё есть для раскрутки — свои программы на телевиденье, свои часы на радио, свои премии, свои спонсоры, свои литературные агенты. А книги лежат в магазинах тяжким грузом. Полного счастья не бывает. Перепроизводство продуктов и товаров, как во время Великой депрессии. Тогда излишнюю непродававшуюся пшеницу и кукурузу американские фермеры сжигали на своих плодородных полях. Но ведь книги горят лучше.

* * *

21. 11. 2009 г.

ТВ и “настоящее радио” разрываются от горя: умер какой-то шоумен по имени Роман Трахтенберг. “Человек-легенда”, “человек-праздник” последний год жизни работал на радио “Маяк”, но до этого был — и тут сообщаются все подробности героической жизни: где родился, где учился, где не доучился, какие диссертации писал. Какие шоу-программы сочинял, непревзойдённая его заслуга перед эпохой — издание сборника анекдотов... И так целый день с утра до вечера, по радио в начале каждого часа во время выпуска очередных новостей. Причём смерть Трахтенберга — новость главнейшая...

Но вспомним, что когда умерли Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов, Виктор Боков — ни слова о том, кого потеряла страна, ни на “Радио России”, ни на одном телеканале произнесено не было. А тут столько разговоров — на каком престижном кладбище похоронят, в какой день, в какое время, куда друзьям приходиться, чтобы попрощаться с великим Трахтенбергом...

* * *

Декабрь 2009 г.

Виталий Найшуль — президент Института национальной экономики (о Господи, сколько изобретено и создано всяческих институтов и фондов для благоденствия всяческих идеологов перестройки!) с голубого экрана успокаивает нас, что мировой финансовый кризис — это “обновление”, это “появление новых возможностей”, это “новые пути” и “новые надежды”.

Его институт во время кризиса, естественно, не закрылся, и то, что президент института в начале 90-х годов под руководством Чубайса изобрёл неменные, доступные купке ваучеры, многие обездоленные с помощью этого мошенника люди уже забыли, а он снова сидит в голубом экране и вещает о рецептах развития и спасения России...

* * *

Ноябрь 2009 г.

Русская революция рождалась на свет при вспышках ослепительных утопий: “при коммунизме отхожие места будут из золота”, “каждому по потребностям — от каждого по способностям”, “всю работу в будущем станут делать машины”, “человек будущего — это человек-артист”, “победивший пролетариат начнёт завоёвывать околоземное пространство”, “земля — это колыбель человечества, но нельзя жить вечно в колыбели”. И так далее и тому подобное.

Этой грандиозной утопии истово служили и внедряли её в головы граждан и обывателей, прославляя и пропагандируя её, многие великие люди той эпохи: Ленин и Троцкий, Циолковский и Александр Блок, Мичурин и Владимир

Маяковский. И только редкие умы, среди которых был, конечно, ещё молодой Сталин, понимали, что смысл русской революции гораздо серьёзнее и проще: сохранить Россию и её народ от колониального вырождения, отстоять её место под солнцем, спасти как государство в эпоху наступающего глобального передела мира. Люди такого склада, отбросив, как идеологическую ветошь, абсурдные мысли и планы о мировой революции и о всеобщем счастье человечества, погрузились в заботы о хлебе и каменном угле, о фабзавучах и прививках оспы, о военно-физической подготовке молодёжи и о лампочке Ильича, о ликвидации неграмотности и строительстве МТС. Всего-то навсего. Вместо “голубых городов” и сортиров из золота. Лишь бы устоять в грядущей мировой войне. Не до жиру – быть бы живу. Именно к такому смыслу приходили в России все великие утопические порывы, будь то мечта о граде Китеже, либо о Третьем Риме, либо о Москве – столице III Интернационала.

* * *

Октябрь 2009 г.

“Христос был поэтом”, – сказал мне как-то Юрий Кузнецов, сочинявший поэму “Путь Христа”. Но Сатана знал это, и понимая силу образного слова – и тоже не дремал:

*Гремела атака, и пули звенели,
и ровно строчил пулемёт...
И девушка наша проходит в шинели,
горящей Каховкой идёт, —*

писал вдохновлённый силами ослепительной тьмы певец революции Михаил Светлов. Эта картина похлеще, нежели картина Делакруа – помните его сюжет: полуобнажённая француженка (чуть ли не из Фоли-Бержера) на баррикаде со знаменем в руках? Это не Дева Мария. Это – бесплодная Амазонка или Гадюка из одноимённого рассказа Алексея Толстого на фоне всемирного пожара, пламя которого не сумел окончательно погасить даже православный семинарист Иосиф Сталин. Это культ сверхженщины, образом которой бредили Исаак Бабель в “Конармии”, Всеволод Вишневский в “Оптимистической трагедии”, Дмитрий Фурманов в “Чапаеве”.

*Ни стирать, ни рожать не умела,
никакая ни мать, ни жена,
лишь одной революции дело
понимала и знала она, —*

писал о таких фуриях революции поэт Ярослав Смеляков.

* * *

7.2.2010 г.

США – преступное государство. Поистине “империя зла”. Вернём американцам эту формулу, изобретённую ими для СССР. Впрочем, все нынешние государства так или иначе преступны, поскольку рождались и завоёвывали своё место под солнцем в борьбе со своими соседями. А в борьбе за жизнь все средства хороши. Но если бы речь шла только о Соединённых Штатах Америки, как государстве! Америка прежде всего это преступное гражданское общество, которое построило своё благополучие (ещё не будучи государством!) на костях краснокожих индейцев и на рабском труде чернокожих негров, насильно перевозимых, в цепях и кандалах, с Африканского континента на Североамериканский. Таким бесчеловечным образом не создавалась в мировой истории ни одна христианская цивилизация. Именно с тех пор, с XVI века, ещё не имея государственных институтов, европейский криминальный сброд, хлынувший в Северную Америку, образовал преступное гражданское общество. Что такое суд Линча, как не деяние гражданского общества? А нынешние массовые расстрелы в американских городах одних граждан другими? Это тоже обычай гражданского общества. А ведь такие кровопроли-

тия в США происходят с постоянно закономерностью во всех штатах. Люди вершат самосуд по самым разным поводам, не обращаясь к государству. В советское время у нас в год совершалось всего лишь десять тысяч убийств, вдвое меньше, нежели в Америке, где градус ненависти граждан друг к другу был гораздо выше, чем в СССР. Студент расстреливает своих товарищей по университету, солдат – своих сослуживцев по армии, служащий своих более удачливых коллег по офису... Часто такого рода самосуды заканчивались и заканчиваются самоубийствами. В Америке позорно быть неудачником – и неудачники в иррациональной ярости пытаются смыть этот позор, расстреливая более удачливых сограждан. Конечно, такого рода расправы живут в генах американского гражданского общества, возраставшего на земле, удобренной кровью краснокожих и трудовым потом рабов из какой-нибудь Нигерии. Вроде благополучная внешне страна, успешно ограбившая весь мир: 5 процентов населения Земли потребляют 30 процентов земной нефти и 40% остальных природных ресурсов. Конкуренцию за такой уровень жизни американцы выиграла у других народов. А счастья всё равно нет, задыхаются от зависти, от ненависти, расстреливают друг друга и ещё осмеливаются кричать: “Боже, спаси Америку”.

Впрочем, мы, склонившиеся перед силой золотого тельца, становимся всё больше и больше похожими на них... У них в год по-прежнему происходит 20 тысяч убийств, а у нас уже в полтора раза больше. Поистине, вспомнишь крылатое изречение кого-то из мудрецов: “Мёртвые хватают живых”...

* * *

Включил “радио России”. Некий Владимир Леви с неким Максимом Леви ведут передачу о каком-то джазовом кумире Америки 30-х годов, о блюзмене Роберте Джонсе, о “великих” исполнителях блюза, о некоем Ирвине Берлинге и прочих, наверное, забытых у себя на родине музыкантах, имя которым легион. Телеведущие захлёбываются в славословии по поводу блюзменов 30-х годов: “легендарный”, “великий”, “гениальный пьяница”, “урод с золотым сердцем”, восхищаются неким Томом Морицем, который беспрестанно наркоманил и дрался с женой... Но на что мне знать подробности жизни этих призраков с их пустой жизнью, наполненной звуками животного происхождения?

Вспоминаю радио послевоенной сталинской эпохи, голоса Лемешева, Козловского, Руслановой, Михайлова... Русский народный мелос: “Меж крутых бережков”, “Вдоль по улице метелица метёт”, “Летят перелётные птицы”, вальс “На сопках Маньчжурии”... В моей музыкальной памяти живут оперные арии Ленского, Варяжского гостя, князя Игоря, Дубровского, Ивана Сусанина, Риголетто... А тут мне впаривают блюзы какого-то наркомана из Нью-Орлеана, “урода с золотым сердцем”... Вырываю штепсель из радиорозетки, включаю первую программу телевидения, а там детские американские мультфильмы, где животные судятся друг с другом – кошка с собакой, утка с курицей... Это америкосы учат наших детишек правовому сознанию, накачивают в детские головки юридическую белиберду. Никакой Каштанки, никакой Серой шейки, никакого зимовья на Студёной... Зато есть бегемот-судья, енот-прокурор, индюк-свидетель, хорёк-преступник. Тьфу ты, Господи!

Сила нечистая, жизнь животных – и ту умудрились ополшить...

У нас, что ли, нет своих замечательных детских мультфильмов или своих музыкальных групп, не обязательно русских, но татарских, мордовских, якутских, башкирских? Конечно, они есть, но у них нет никаких шансов попасть на Радио России, потому что все вакантные места там заняты “гениальными пьяницами” и “уродами с золотыми сердцами”.

* * *

Июль 2010 г.

Побывал в Екатеринбурге. Увидел бронзовый многофигурный памятник Ливерпульской четвёрке, поставленный в центре города. А есть ли в Лондоне памятник Сергею Есенину, или Шаляпину, или балерине Анне Павловой, или, на худой конец, Владимиру Высоцкому? Увы... Нет, всё-таки в психологии наших демократов живёт неистребимое обезьянье низкопоклонство перед За-

падным миром. И великий учёный, выросший на Западе, Пётр Капица в 1946-м году написавший Сталину письмо об этой лакейской, смердяковской черте нашей интеллигенции, был, конечно, прав. И вождь, внимательно прочитавший письмо Капицы и объявивший после этого войну так называемому космополитизму, был тоже прав по-своему. Однако нынешние потомки обезьяньего племени о сталинских гонениях кричат во все свои глотки. А о лауреате Нобелевской премии Капице – молчат.

* * *

15.12.2010 г.

Вспомнился один из соблазнительных слоганов ельцинско-гайдаровской эпохи: “Чем больше у нас будет богатых людей – тем лучше будет народу”. Триста тысяч богатых российских семей живут в одном только Лондоне. И что? Народу нашему легче от этого?

Рынок, разогнанный в своё время Христом, зашедшим в храм. Он якобы все отрегулирует? Да как может отрегулировать себя стихийный автомобильный поток? Только всё более частыми катастрофами и кровавыми жертвами на дорогах. На плохих наших и на хороших американских. Результат один и тот же, потому что алчность общества потребления не знает границ (“денег много не бывает”). Страсть к сребролюбию – смертный грех. Иудина страсть.

Свалки мусора на всей планете – метастазы общества потребления. Только самоограничение может спасти человечество, но самоограничение – это смерть рынка. А рынок – это путь к смерти. Что нам принёс рынок с его демократией и правами человека? Это расстрелы своих соседей и сослуживцев (по американскому образцу), это однополые браки, это педофилия, это банды хулиганствующих футбольных фанатов с их иррациональным озверением, это заказные убийства и разгул небывалого в нашей стране мошенничества во всех сферах жизни – строительных, финансовых, медицинских, образовательных и т. д. Это тридцать тысяч несчастных, ежегодно погибающих на дорогах, это семьдесят тысяч молодых душ, ежегодно умирающих от наркотиков. Это вновь вернувшиеся к нам туберкулёз, сифилис, сибирская язва. Я уж не говорю о СПИДе... Вот что такое рынок “товаров и услуг”...

* * *

3.3.2011 г.

Когда наши либералы, начиная от покойного Юрия Корякина и кончая Николаем Сванидзе, кликушествовали на всю страну о том, что тело Ленина нужно вынести из Мавзолея, когда нынешние власти во время государственных праздников стыдливо прикрывают его красногранитные уступы фанерой или триколором, я вспоминаю слова настоящего врага советской России, великого князя Александра Михайловича Романова, произнесённые в изгнании:

“На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи”. Эту правду чувствовали многие знаменитые современники Ленина – Николай Клюев (“Есть в Ленине керженский дух, диктаторский окрик в декретах”), Сергей Есенин (ответивший своим землякам: “Скажи, кто такое Ленин?” Я тихо ответил: “Он – вы”), Борис Пастернак, запечатлевший образ Ленина в бессмертных строках (“Он управлял течением мыслей и только потому страной”). Ну кто они по сравнению с этими вечными спутниками русской культуры – всяческие млечины, познеры, пивоваровы? Мелкие бесы на громадном теле русской истории.

* * *

Ноябрь 2011 г.

Смотрю фильм о Вольфе Мессинге. Местечковый быт, сентиментальные, добрые люди, раввин, выпивающий с мужиками. Мать, обнимающая сына.

Все грустят, смеются, плачут. Не люди, но ангелы, подобные тем, которые были изображены и в романе “Тяжёлый песок” Анатолия Рыбакова. Восточно-европейские ашкенази, в жилах которых семитская кровь смешалась с тюркской... Но каким образом из этих благостных человеколюбцев вышли Ягоды, Блюмкины, Френкели, Берманы, Розалии Землячки, Трилиссеры, Аграновы, Свердловы, Юровские, Урицкие, от чьих деяний содрогнулись Леонид Канегиссер и Осип Мандельштам, Юрий Домбровский и Валентин Катаев...

* * *

Ноябрь 2011 г.

Вместо некролога

По-настоящему я подружился с Леонидом Бородиным в мае 1990 года, когда наша маленькая делегация писателей прилетела в Америку. Для проживания в гостиницах нас разделили на пары, и мы с Бородиным, не сговариваясь, выбрали друг друга. Мне сразу же понравился этот подтянутый, сдержанный, немногословный человек, о котором в еврейском альманахе “Панорама” было написано так: **“При Брежневе он был диссидентом и подвергался репрессиям. Его русский национализм всегда носил не просталинский, а антисталинский характер. Однако можно думать, что эти различия остались в прошлом: в годы гласности и перестройки русские националисты всех оттенков стремятся слиться в одну сплочённую группу...”** (Если бы так!) Об известном еврейском правозащитнике Аликс Гинзберге, с которым они сидели в мордовских лагерях, Бородин в ответ на мой вопрос отозвался холодно и отчуждённо:

– Ему это для биографии было нужно!

Бородину же все его лишения нужны были не для биографии, а “для России”.

Конечно, мы, как русские люди одного поколения, часто спорили с ним до хрипоты о том, может ли “советское” быть “русским” и наоборот. Порой эти размолвки становились глубокими и длительными, но всё же, когда у него вышла честнейшая автобиографическая книга “Без выбора”, то он подарил её мне с миротворческой надписью:

“Станиславу Юрьевичу Куняеву с искренним уважением. А что жизнь всякому видится разнo, то так ли это плохо?”

10. XI. 03. Бородин”.

Прочитав эту книгу, я ощутил укол радости от того, что обнаружил, как нечаянно-негаданно однажды помог этому удивительному человеку в одно из мгновений его лагерной жизни, о которой он вспоминает так:

“Больше десяти лет тому назад прочитал я у С. Куняева такую вот строку: “Чем ближе ночь, тем Родина дороже” <...> чем старше становлюсь, тем чаще по поводу и без такового строка эта всплывает в памяти. Будто мной придумана и переживается как нечто глубоко личное и собственное. <...> Почему она мучает меня в бессоннице? Почему сотни, тысячи прекрасных литературных строк, сопровождавших меня по жизни, каковой, если откровенно, никому не пожелаю, почему эти строки, из памяти не исчезнув, большей частью как бы пребывают в “запасниках”, а эта вот, и не пушкинская, не тютчевская, не гумилёвская, – почему она...”

И это написано после многих наших мировоззренческих размолвок. Вечная память тебе, человек чистой души, блистательного таланта, юношеской отваги, редчайшего благородства, необыкновенного мужества и суровой, но подлинной любви к матери нашей России...

* * *

Юрий Кузнецов, когда узнал, что его любимая дочь собирается выйти замуж за азербайджанца, предупредил её: “Смотри, нарвёшься на стихотворенье”, а когда она всё-таки поступила по-своему, то проклял ослушницу:

*Ну а ты чем прикроешься, Юрьевна?
Только отчеством,
Только отчеством!*

Но тут он противоречил сам себе, поскольку задолго до этой “анафемы” угадал женскую сущность и написал о ней гораздо точнее и глубже:

*Она ответила, как медь,
печальна и нежна:
— Тому, кому не умереть,
подруга не нужна.*

*На высоте твой звёздный час,
а мой на глубине,
и глубина ещё не раз
расскажет обо мне.*

Но почему они выбирают не русскую “глубину”, а германскую, канадскую, итальянскую?! Поистине, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Боже мой! Куда я влез? — “В запретнейшие зоны естества”, как напророчила себе однажды Ахматова. Я воспринимаю все эти “измены” роду, семье, родине как наше тяжелейшее, а может быть, и окончательное поражение даже не на историческом, а на генетическом, на метафизическом уровне, как роковую утрату какого-то важнейшего инстинкта самосохранения, без которого не может жить ни большой, ни малый народ.

Ведь самое главное поражение Тараса Бульбы — это не набег крымских татар на беззащитные курени Запорожской Сечи, не смерть Кукубенко, не былинная казнь Остапа... Самая страшное его потрясение — это измена младшего сына Андрия:

— Что? Предать сичь, предать веру, предать Родину?!

Неужто в чём-то правы расовые законы, к которым принуждал древних евреев Ездра, а германцев 30-х годов Альфред Розенберг? А в наше время белокурая бестия норвежец Брейвик?! Какой ужас...

Сила и слабость моего понимания нынешней жизни состоят вот в чём. Когда я узнаю, что сестра моего давнего соратника по борьбе за национальную Россию уехала со всей семьёй в Америку, а дочка другого русского патриота в Германию, а дочка ещё одного близкого русского человека вроде бы в Канаду, то я переживаю все эти события как личную драму, как поражение не только всего нашего патриотического дела, но и как своё собственное поражение. Ну если мы не сумели своих самых близких и кровных людей вырастить и воспитать для нашей несчастной родины, то чего стоят все наши усилия, все переживания, все надежды?

Когда я узнаю, что дочка моего самого близкого заветного друга молодости Анатолия Передреева вышла замуж за итальянца и уехала в Италию, то чувствую, что это моё личное поражение, и с горечью вспоминаю слова Василия Розанова: **“Национальность для каждой нации есть рок её, судьба её; может быть, даже и чёрная”**.

И ещё: **“Счастливую и великую родину любить не великая вещь. Мы её должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от неё”**.

* * *

20.9.2012 г.

Женщина в судейской мантии потребовала для трёх “бешеных маток” два года заключения в колонии общего режима.

Много это или мало? Трудно сказать до тех пор, пока мы не решим, кого судим — людей или неких человекообразных существ.

Когда они (по иронии судьбы — в зоологическом музее!) встали на четвереньки — “на четыре кости”, как говорят блатные, готовые к случке со своими двуногими партнёрами, то, конечно, мало чем отличались от уличных

собак. Людского в них было только то, что они засняли эту случку на видео. Наверное, для истории, почему картина и попала на ТВ... Не дай Бог, если их повзрослевшие дети когда-нибудь познакомятся с этими кадрами.

Когда я в 1957 году приехал по распределению в заснеженный сибирский городок Тайшет, то первое, что меня поразило на улицах — это своры бродячих собак, справлявших свои свадьбы. Но я помню, как молодые матери уводили или отвлекали своих детей от этой животной гульбы, когда кобели грызлись друг с другом и вскакивали верхом на сучьи задницы. Неловко было глядеть на звериный сексуальный шабаш нормальным женщинам и тем более с детьми. Помню также, как в Индии мне было неловко видеть спаривающихся и совокупляющихся обезьян, может быть, потому, что они всё-таки чем-то похожи на людей.

Естественное чувство стыда, смущения и отвращения к “тварности мира” испытал в свои детские годы наш великий поэт, имевший особо чувствительную душу — Сергей Есенин:

*Да! Есть горькая правда земли, —
подсмотрел я ребяческим оком —
лижут в очередь кобели
истекающую суку соком.*

Александр Пушкин, скорбя о своих грехах, порождённых тварной человеческой природой, писал:

*И с отвращением читая жизнь свою,
Я трепещу и проклинаю...*

Но, глядя на улыбающихся в судебном зверинце подруг, понимаешь, что они, “с наслаждением читая жизнь свою”, “не отличают славы от позора”.

Они оскорбили не патриарха и не Путина. Они оскорбили святые лики, которые глядели на них с намоленных икон храма. Они потревожили мученические тени священников, расстрелянных или получивших лагерные сроки за сопротивление хунвейбинам и хунвейбинкам Емельяна Ярославского (Миняя Губельмана), создавших такую атмосферу в обществе, при которой стало возможным взорвать Храм Христа, спасшего Россию от нашествия богомерзкого Запада на святыни православия. Не потому ли тот же Запад от печально знаменитой Мадонны до депутатов Европарламента встал на защиту нынешних человекообразных существ... Не потому ли в колыбели нашего православия, в златоглавом Киеве последовательницы пусек голые феминистки спилили бензопилой поклонный крест на глазах у монумента святому Владимиру...

Бешенство матки — болезнь заразная. В Тайшете 50-х годов я встречался со многими вышедшими на свободу зэками... Они мне рассказывали, что “воров в законе”, которые сотрудничают с администрацией, у них принято называть “суки отвязанные”.

Кто-то из священников, комментируя эту грязную историю, грустно промолвил: “Церкви надо бы их простить...” Да, это дело церкви. Но простит ли Бог? — Вот вопрос...

Но так рассуждать можно лишь при условии, что они — люди. А если они приматы или приматки, всего лишь похожие на людей? Тогда действительно они не ведают, что творят, и неподсудны ни людскому, ни Божьему суду...

* * *

Как талантлив русский человек даже в своих падениях в низкие слои бытия! Из пошлого мелодраматического сюжета об уголовнице, связавшейся с ментами, он сотворил бессмертную историю, которая живёт почти сто лет и, может быть, ещё долго будет волновать наших потомков, внуков и правнуков: “Здравствуй, моя Мурка, Мурка дорогая, здравствуй, моя Мурка, и прощай!” Шостакович мог бы сочинить на этот сюжет оперу, он ведь был всеяден, если судить по балету “Золотой век”, который я видел в Праге лет тридцать тому назад. Но “Мурка” похлеще “Золотого века”. У американцев есть Вест-Сайдская история, но “Мурка” богаче характерами и обильнее чувствами. Правда, Георгий Свиридов не взялся бы за неё.

А Шостакович — мог. Он более композитор плембса, нежели Свиридов, которого к старости захватила стихия духовной музыки, совершенно чуждой Шостаковичу. Но плембс — это ведь тоже народ, хотя и подпорченный... Чернь... Умом я всё понимаю, где живёт высокое искусство, где низкое. У меня не изощрённый, не рафинированный вкус, скорее грубоватый. Я люблю песни, в которых всё смешано — социальная жизнь, жестокий романс, народное сентиментальное чувство. Такие творения всегда милы простонародному сердцу. Их сейчас подзабыли из-за нашествия попсы, но они не умерли, они живут, как в анабиозе, как трава под снегом. Это — “Раскинулось море широко”, “Шумел камыш, деревья гнулись”, и даже “Кирпичики”, и даже “Мчатся по Чуйскому тракту машины”... В них живёт воздух времени с его страстями, слезами, восторгами. Горнего света в них нет, но живого тепла с избытком. Это сгустки нашей тленной, греховной, но столь милой простому сердцу жизни.

* * *

Сентябрь 2012 г.

Поэта далеко заводит речь...

К 120-летию со дня рождения М. Цветаевой

Люди литературы, как правило, вольно обходятся с историей. У них какое-то своё, особое зрение, отличное от зрения Карамзина или Ключевского. Никакая стихотворная симфония А. Блока “На поле Куликовом”, ни его поэмы “Возмездие” и “Двенадцать” не могут называться “историческими”, так же, как многие стихи Тютчева или размышления Льва Толстого, предвещающие художественные главы “Войны и мира”. Разве что Пушкин с его творчеством в целом и Шолохов с “Тихим Доном” достойны того, чтобы по их произведениям изучать две великих эпохи — императорскую и советскую, две великие революции — петровскую и ленинско-сталинскую.

* * *

В сентябре 1938 года Англия и Франция, трепетавшие перед германской мощью, отдали на растерзание немцам Судетскую область Чехословакии. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды, и через несколько месяцев, в марте 1939-го Гитлер, убедившись, что Лондон и Париж прогнулись перед Берлином, оккупировал Чехословакию целиком. Марина Цветаева, к тому времени переехавшая во Францию, но много лет прожившая в Чехословакии, пришла в отчаяние и посвятила этой трагедии цикл из пятнадцати стихотворений. Её экзальтированное воображение пыталось нарисовать картину благородного и отчаянного сопротивления чешского и словацкого народов германским гуннам: **“В клятве руку подняли все твои сыны — умереть за родину всех, кто без страны”**, Отважные славяне в её воображении отстаивали Чехословакию, как вторую родину всех изгнанников, в числе коих она видела и себя... В отчаянье она хваталась за любые подтверждения того, что Чехословакия сопротивляется, что если не свобода, то честь её любимой Богемии спасена. К своему стихотворению “Один офицер” она даже поставила эпиграф:

“В Судетах, на лесной чешской границе офицер с двадцатью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен (из сентябрьских газет 1938 г.)”

Её не смутило, что солдаты не пошли за своим офицером, выстрелы которого в сторону немцев привели её в неопикуемый восторг:

*Из лесочку — живым манером
на громаду — да с револьвером!
Пока пулями в немца хлещет, —
целый лес ему рукоплещет.
Понесена
Добрая весть,
что спасена
Чешская честь.*

*Значит — страна
Так не сдана.
Значит — война
всё же — была!*

А когда немцы стали хозяевами всей Чехословакии, она опять же выиска-ла в европейской прессе сообщение о том, что **“чехи подходили к немцам и плевали” (см. мартовские газеты 1939 г.)**. И воспела это свидетельство во “мужественного” сопротивления в стихотворении “Взяли”:

*Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра.
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас и хрусталь.
.....
Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руки и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна вооружена!*

Но куда делись “сталь”, и “уголь”, и “свинец”, и “пули”, и “ружья” — что случилось? — От всей вооружённой мощи остались одна “слюна”?!

Экзальтация Марины Цветаевой никогда не имела пределов. Она влюбля-лась в молодости сначала в мужчин, а потом в женщин, она могла в одно вре-мя отдать своё сердце Германии (“Германия! Моё безумье! Германия — моя любовь!”), а в другое — проклясть немецких гуннов. Могла до небес воспеть Белую гвардию (в “Лебедином стане”), а потом с тем же вдохновением про-славить Советский Союз в стихах к сыну — и подвиг челюскинцев... И, убе-дившись, что в Чехословакии кроме одного офицера никто не защитил Роди-ну и что кроме слюны у чехов не осталось другого оружия, поэсска решила прославить не армию, а весь народ:

*Его и пуля не берёт,
И песня не берёт!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!
Когда ни сила не берёт,
Ни дара благодать, —
Измором взять такой народ?
Гранит измором взять?*

(20 мая 1939 г.)

Из будущего коллаборационистского Парижа, готового через год сдать-ся немцам, как и Прага, к чешскому народу весной 1939 года чуть ли не каждый день летели рифмованные призывы Цветаевой к борьбе, к сопротивлению, к восстанию против европейских гуннов: **“Богемия! Богемия! Не лежи, как пласт! Бог подавал обеими и опять подаст”**; **“С объятьями удавьями Рас-правится силач! “За здравие, Моравия! Словакия, словачь!”**; **“Не погиб-нет чех”...**

Стихи пишутся каждый день! Вдохновение не иссякает! Заключительное стихотворенье чешского цикла поднимается до высот, где живут не просто стихи, но государственные гимны:

*Процветай народ, —
Твёрдый, как скрижаль,
Жаркий, как гранит,
Чистый, как хрусталь.*

(21 мая 1939 г. Париж)

Видимо, из французского “далека” пошлые исторические подробности чехословацкой драмы были плохо различимы для её близоруких глаз...

На самом же деле оккупация Чехословакии была весьма странной, поскольку и власть и народ были не достойны ни восхищения Марины Цветаевой, ни романтических надежд, которые она на них возлагала.

* * *

Итак, 29 сентября 1938 г. в Мюнхене западные демократии сдали Чехословакию Гитлеру. Утром 30 сентября президент Бенеш получил из Берлина ультиматум о том, что в течение 10 суток Судетская область должна перейти под власть Германского рейха. Чехи не стали ждать десять дней, посовещались полтора часа, и премьер-министр республики Ян Суровы сообщил Берлину и гражданам своей страны, что ультиматум принят. Во время полуторачасового обсуждения германской ноты министр иностранных дел чешского правительства Камилл Крафта заявил своей политической и военной элите:

“Теоретически ультиматум можно отвергнуть. За этим последует война, в которой никто нас не спасёт”. Когда немецкие войска вошли в Чехословакию, многотысячные толпы народа приветствовали их во всех городах и весях, в том числе и в Праге, где дед и тёзка будущего президента нашей эпохи крупный коммерсант Вацлав Гавел приветствовал гитлеровцев с балкона своего, как сказали бы сейчас, супермаркета... Если кто-то из чехов и плевал в сторону немцев, чем восторгалась Цветаева, то, видимо, немцы этого не заметили. Вот так Чехословакия стала протекторатом великой Германии, и в июле 1941 года президент протектората чех Эмиль Гаха обнародовал послание гражданам, в котором говорилось:

“Для того, чтобы чешский народ принял участие в великой борьбе немецкого народа и внёс свой вклад в дело его победы, ему были определены задачи, особенно в области снабжения и вооружения... Военный взнос в 5 миллиардов крон был нами сделан ввиду того, что чешский народ непосредственно не участвует в войне”.

Откупились. И на эти 5 миллиардов крон началась работа “чешского народа” **“в области снабжения и вооружения”** гитлеровского вермахта. 122 чешских военных завода, 12 000 средних и мелких предприятий, два с половиной миллиона самых квалифицированных в Европе рабочих и технических специалистов, начиная с 1939 и по в 1945 год, ковали победу вермахта, снабжая гитлеровскую армию танками, грузовиками, пушками, автоматами, винтовками, револьверами и т. д.

Гитлеровские офицеры, получив отпуска с фронта, стремились именно в Чехословакию, которая предоставляла им все возможности для восстановления сил и здоровья, потраченных на Восточном фронте, о чём знаменитая киноактриса Ольга Чехова писала в своих воспоминаниях: **“Злата Прага не утратила своего блеска; и в гастрономическом отношении она предлагает удовольствия, которых в рейхе для простых смертных уже давно не существует. Короче: Прага — отдых от войны”.** Даже в Париже, где для гитлеровской офицерии пели в ресторанах Ив Монтан и Эдит Пиаф, и которых обслуживали проститутки и многие честные женщины Парижа, не было столь комфортных условий для отдыха оккупантов. Всё-таки во Франции какое-то, хотя и жалкое сопротивление, но было. А в Чехословакии не было ничего опасного — ни сопротивления, ни партизан, сплошной комфорт...

Бедная, наивная, экзальтированная, умевшая зомбировать самую себя Марина Цветаева! Хорошо, что она ничего не узнала о позорном лакействе её любимой Чехии, её прекрасной Богемии, её сказочной Моравии! Хорошо, что она не знала о том, что в составе гитлеровского рейха, топтавшего её родину Россию, было около ста тысяч коричневых Швейков, шестьдесят тысяч из которых после окончания войны работали как военнопленные, восстанавливая наши города, разбитые “тиграми”, самоходными орудиями, бомбардировщиками, которыми управляли и командовали её любимые чехи и словаки.

Слава Богу, она не узнала о том, что какие-то плевики разгневанных чехов и какие-то выстрелы одинокого чешского офицера по немецкой колонне скорее всего явились выдумкой жёлтой европейской прессы, о которой она сама писала с благородным негодованием:

*что ни столбец — навет,
что ни абзац — отврат...*

Слава Богу, что она не узнала о том, что президенту протектората Эмилю Гахе, в своё время торжественно сообщившему о “военном взносе” чешского народа в военную промышленность Рейха в размере 5 миллиардов крон, в канун 50-летия победы над фашизмом была открыта в Праге мемориальная доска “за вклад в сохранение Чехословакии” в годы Второй мировой войны.

Слава Богу, что Марина Цветаева так и не узнала слов американского посла в послевоенной Чехословакии Штейнгарда, который сказал:

“Чешский народ всегда отдавал предпочтение жизни без напрасной борьбы, нежели борьбе за свою свободу”...

Остаётся только вспомнить её искренние строки:

*Так и стою, раскрывши рот:
Народ! Какой народ!*

Да, Пушкин прав: “Поэзия должна быть глуповата”... И Марина Цветаева не зря любила Пушкина!

* * *

Сентябрь 2012 г.

Вырожденцы

Моя книга “Жрецы и жертвы Холокоста” впервые публиковалась в течение всего 2010 года в журнале “Наш современник”. Через год она была издана в издательстве “Алгоритм” и распродана в течение нескольких месяцев. Издательству пришлось печатать ещё один тираж. А в 2012 году выпускать в свет второе книжное издание “Холокоста”, дополненное по сравнению с первым многочисленными читательскими откликами, а также рецензиями и обширными статьями из массовой прессы.

Всё было бы хорошо, кроме одного: мои недруги из либеральной прессы, которые раньше всегда и сразу кидались со мной в спор то в “Московском комсомольце”, то в “Новой газете”, то в журнале “Знамя” и “Литературной России”, то в “Еврейской газете”, на этот раз не издали ни звука. Ни Марк Дейч, ни Леонид Радзиховский, ни Семён Резник, ни Павел Полян – никто ни гу-гу. А я, любивший открытую борьбу, ждал их нападения, но вскоре понял, что его не будет. Сам виноват. Слишком переборщил в аргументации, пользуясь аргументами из книг лорда Дизраэли-Биконсфильда, известной журналистки Ханны Арендт, историка из США Нормана Финкельштейна, министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, профессора Иерусалимского университета Шломо Занда, партийной функционерки из ГДР Мишкет Либерман, знаменитого деятеля еврокоммунизма Роже Гароди... Так получилось из контекста, что спорить со мной означало спорить с ними, евреями по происхождению. Мне бы для приманки насовать в книгу цитаты из явных “черносотенцев и антисемитов” – Маркова Второго, Осипа Меньшикова, Ивана Шевцова, Валерия Хатюшина, а я “из страха иудейска” перестраховался и лишил своих закадычных врагов возможности впиться зубами в ненавистные им страницы.

Однако недавно мне стал известен единственный отзыв о книге “Жрецы и жертвы Холокоста” из лагеря моих персональных противников.

На сайте “Московского бюро по правам человека” один из моих почитателей обнаружил заявление, озаглавленное “Черносотенные книги снова на книжной ярмарке в Москве”, подписанное председателем Московского антифашистского центра Евгением Прошечкиным, президентом фонда “Холокост” и членом общественной палаты Аллой Гербер и директором московского бюро по правам человека Александром Бродом. Народ серьёзный, все при должностях. Правда, в литературном отношении это, конечно, не радзиховские и резники, но, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Эти деятели жалуются и негодуют, что Московская книжная ярмарка “уже много лет подряд привлекает к себе внимание правозащитников-антифашистов как крупнейший центр распространения ксенофобской литературы. Год за годом на стендах издательств продавались труды, пропитанные махровой ксенофобией <...> Демонстрировало свои книги и печально знаменитое издательство “Алгоритм”, специализирующееся на шовинистической литературе. Послед-

нее их издание — труд ветерана “патриотического движения” поэта Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”. Автор преуменьшает признанную трагедию XX века, а также обрушивается на “происки и преступления” евреев в самых разных сферах... <...> В то время, как во многих европейских странах публичное отрицание Холокоста, пропаганда национальной ненависти жестко карается законом”. У меня от сердца отлегло. Слава Богу — первая серьёзная поклёвка, Пора подсекать. Но тут же мне повезло вторично: подписанты-антифашисты выразили возмущение книгой некоего, как они пишут, “научного расиста” Д. Раштана, **“пытающегося отстоять тезис о неравенстве рас”**. Ну как же могли забыть борцы против расового неравенства о том, что именно идеология “неравенства рас” и помогла всем “цивилизованным народам” выстроить цивилизацию Европы и Северо-Американского континента, когда в течение нескольких столетий “более развитые расы” заставили работать на себя бездельников, тунеядцев и дикарей Северной и Центральной Америки, ленивых рабов всего Африканского континента, Индии и Китая, Австралии и Новой Зеландии, Юго-Восточной Азии и бесчисленных островов Индонезийского архипелага. Выдающимися теоретиками этого мирового порядка были многие великие люди: англичане Томас Гоббс и Даниэль Дефо, Редьярд Киплинг и Оливер Кромвель, французы Жозеф Гобино и Наполеон Бонапарт, американцы Джон Вашингтон и Уолт Уитмен, немцы Адольф Розенберг и Адольф Гитлер. Но им всем было далеко до гениальных умов избранного народа, к которому принадлежит и наша антифашистская компания.

“Евреи, несомненно, представляют собой наиболее чистую расу из всех цивилизованных наций мира” (Нахум Соколов)

“Еврейская раса — одна из исходных рас <...> Еврейский тип сохранился — он существовал во все времена, во всех поколениях” (М. Гесс).

“Только одна сверхнация есть цвет и цель человеческого рода: остальные были созданы, чтобы служить этой цели, чтобы служить лестницей, по которой можно было бы подняться на вершину” (Ахад Хаам).

Вот какой гимн “неравенству рас” сложили отцы-основатели сионизма!

А за две с лишним тысячи лет до этого вожди ветхозаветного племени Ездра и Нехемия запретили своим соплеменникам заключать смешанные браки, а тем, кто уже успел совершить такую ошибку, они приказывали эти браки расторгнуть. Вот уже когда призрак нюрнбергских законов появился на горизонте истории, вот как ваши предки боролись за чистоту расы. Они знали всё о неравенстве рас, не заглядывая ни в какие книги. Вы же являетесь их прямыми потомками, и вам бы поблагодарить “научного расиста” Раштана, а вы на него донос в интернете публикуете. Ратуя за “равенство рас”, вы попираете ногами постулаты великих основоположников сионистского государства о принадлежности Палестины “избранному народу”, а не каким-то там нищим и оборванным бедуинам.

Алла Гербер много лет заседает в Общественной палате рядом с Николаем Сванидзе, знатоком истории. И это естественно, потому что Общественная палата у нас является своеобразным Синедрионом, куда попадают антифашисты самой высшей пробы. Давайте вспомним, как яростно сражался за свои идеалы Николай Сванидзе в программе “Суд истории”. Правда, он проиграл все поединки с Кургиняном, а потом даже и с Дмитрием Киселёвым. Но это только потому, что голосовали против него сплошные “совки”, ничего не понимающие ни в историческом процессе, ни в национальном вопросе, не знающие того, что светлейший ум еврейства Макс Нордау утверждал: **“Евреи обладают большей предприимчивостью и большими способностями, чем средний европеец, не говоря уже о всех этих инертных азиатах и африканцах”**...

Но глядя на подписантов антифашистского письма, я понимаю, что это, к сожалению, не относится к таким умам, как Евгений Прощечкин и Александр Брод, хотя оба они являются представителями того избранного народа, о котором великий Генрих Гейне, лёжа в кровати, парализованный, страдающий от сухотки спинного мозга, изъеденного сифилисом, писал: **“Еврейство — аристократия, единый бог сотворил мир и правит им, все люди его дети, но евреи — его любимцы”**. Но какой из Александра Брода аристократ и божий “любимец”, если его изгнали из нового состава Общественной палаты? Хотя в древности бывали похожие репрессии: именно так ветхозаветная иерусалимская бюрократическая элита изгоняла из святого города своих про-

роков и даже побивала их камнями за обличение властей. Но Александр Брод поступил, как недостойный сын своих великих пращуров: борясь за свои права человека и директора Московского бюро по этим самым правам, под покровом московской ночи он прокрался в апартаменты Общественной палаты и объявил там политическую голодовку. Смех да и только! И это вместо того, чтобы выйти на Красную площадь, на Лобное место, как это сделала в 1968 году семёрка храбрых диссидентов, возглавляемых грудным ребёнком Натальи Горбаневской, и закричать на весь мир: “Все расы – не равны, и потому мы являемся избранным народом!”

Как выродились потомки Ездры! Единственное, что они умеют – сочинять кляузы:

“Мы призываем организаторов выставки, генеральную прокуратуру РФ, Российской книжный союз – прекратить этот ежегодный черносотенный шабаш <...> высказать свои позиции в связи с непрекращающейся пропагандой неонацизма, расизма, агрессивной ксенофобии, антисемитизма”. Ну хотя бы вспомнили Брод и Прошечкин слова Генриха Гейне, полные восхитительной гордыни:

“Если бы евреев не стало и если бы кто-нибудь узнал, что где-то находится экземпляр представителей этого народа, он бы пропутешествовал хоть сотню часов, чтобы увидеть его и пожать ему руку”... Слава Богу, у нас далеко ходить не надо. Люди самой чистой расы везде – куда ни плюнь... **Но таким, как вы, Генрих Гейне руки бы не пожал...**

(Продолжение следует)